

Эпиграф

«Друзья!

Это весьма философское продолжение отношений с Инной. И если вы давно уже ждали развязки, то милости прошу! Если же вы услышали об Инне впервые, то боюсь вам может быть просто скучно, поскольку продолжение весьма длинное и затянутое.

Приятного чтения!»

Летнее солнце медленно подкралось к балкону в спальне и заглянуло в окно. Я недовольно поморщился и повернулся на другой бок. В комнате еще было прохладно, но солнечные лучи уже прогревали воздух, нагнетая духоту. Я в очередной раз пожалел, что не повесил занавески, оставив лишь тюль на окне, которая явно проигрывала в борьбе с солнечными лучами. На некоторое время плотные занавески могли бы меня спасти. Я приоткрыл глаза и прислушался — непривычную утреннюю тишину субботы нарушали лишь негромкие соловьиные трели. Ни гула автомобилей, ни «перемывания соседских костей» соседями.

Рука потянулась к телефону, что лежал возле подушки — часы показывали без пятнадцати семь. Всего пятнадцать минут отделяли меня от весьма противного звонка будильника, благодаря которому даже мертвый поднялся бы из могилы. Не желая дожидаться трезвона я отключил будильник и сполз с постели. Легкая дрожь пробрала моё тело. Нет, не от утренней прохлады, а от будущей встречи. Как-будто всё вернулось на тринадцать лет назад, когда юное сердце трепетало от надежд и несмелых фантазий перед встречей с одной девушкой.

Я вышел на лоджию и широко распахнул окно, что стояло на проветривании. В лицо мне мягко подул теплый летний ветерок, вползая в квартиру, играя со шторами и поднимая с комода наброски текстов. Впервые за несколько месяцев на моем лице заиграла искренняя улыбка. Не от большой радости, не от вселенского счастья, а от того, что просто хорошо. Мне не нужно было куда спешить, у меня было еще достаточно времени, чтобы собраться и поехать на вокзал на встречу с Инной.

Я вышел из спальни и привычно плюхнулся за ноутбук. Хотелось добавить в утреннюю нирвану какой-то легкой и веселой музыки. И спустя уже пару минут по уголкам квартиры расплзались звуки одной известной мелодии. Я улыбнулся, глядя в окно — казалось, что деревья, что покачивались от ветра, делали это в такт с музыкой.

Меня захлестнула какая-то волна ребячества, заставляя делать глупости не свойственные взрослым и уважаемым людям, и я, подпрыгивая то на одной, то на другой ноге и подпевая себе под нос своим гнусавым голосом, отправился на кухню за порцией кофе.

Старенький электрический чайник уже давно отжил своё, но я к нему как-то привык уже. Даже то, что у него была сломана крышка и приходилось набирать воду через носик, не заставило меня купить новый. Набрав по самую верхнюю планку воды, я уселся за стол и вновь посмотрел в окно. Один лишь вопрос терзал меня: что готовит мне сегодняшний день? Я скрестил пальцы на удачу — мне очень хотелось, чтобы весь день прошел также замечательно, как началось утро...

Чайник недовольно запыхтел, задрожал и щелкнул, извещая всех о том, что он со своей задачей справился и в этот раз. Полулитровая чашка, чайная ложка растворимого кофе и три чайных ложки сахара. Вот рецепт идеального кофе по моему рецепту. Мелодия, что звучала

из комнаты, сменила свой тон, переходя на следующий аудио трек.

Я глотнул кофе и на мгновение задержал его во рту, давая рецепторам в полной мере ощутить легкую горчинку и приятную сладость напитка. Остатки сна улетучились со вторым глотком, а воздух вокруг наполнился ароматом почти натурального кофе. Еле заметный сквозняк подхватил его и понес далеко за пределы квартиры, на встречу новому летнему дню.

Ровно пять минут у меня занял традиционный ритуал утреннего кофе. Дальше всё по старому графику — прохладный душ, чистка зубов и выбор одежды. Собравшись и стоя уже в коридоре перед зеркалом я на мгновение замер — настолько непривычно было смотреть на своё улыбающееся лицо, казалось, что это был кто-то другой. Кто-то, кого я не видел уже очень давно... Обув кроссовки я подхватил рюкзак, ключи от машины и пакет с мусором и вышел из квартиры.

В подъезде царила тишина — все соседи еще либо спали после бурной пятницы, либо потому что выходной. Ха-ха. Я тихо, насколько позволял слегка заедающий замок, закрыл квартиру на ключ и побежал вниз по ступенькам. Лифт исправно работал, но я всё же предпочитал ходить пешком — кому-то (а именно мне) это было крайне полезно.

Подъезд дома и дорожка вдоль него прятались в тени деревьев, поэтому выйдя из подъезда я с облегчением вдохнул еще пока прохладный воздух — в подъезде было душно из-за соседей, постоянно закрывающих окна, опасаясь сквозняка. Соловьев уже не было слышно, но воцарившая тишина звучала не менее прекрасной мелодией. Сколько же таких прекрасных утренних моментов я проспал? Даже собачники и те, еще не вышли на утреннюю прогулку.

Закинув в мусорный бак пакет с мусором, я побежал через дорогу к магазинчику, который практически круглосуточно продавал цветы. Полусонная продавщица приветливо кивнула мне, когда я заходил через дверь. Здесь выбор цветов был невелик, но меня это особо не волновало. Ведь здесь были те цветы, которые я всегда любил покупать девушкам — красные бархатные розы, с крупными мясистыми бутонами и восхитительным ароматом. Всегда свежие и роскошные, они могли простоять в вазе неделю и лишь слегка увянуть, как бы подчеркивая искренность чувств человека, что подарил такой роскошный букет.

Семь отличных цветков упакованы в букет, и хрустящая купюра отправляется в карман продавщицы. Я поднес букет к лицу и вдохнул и как-будто перенесся на десять лет назад, когда впервые купил такой букет... Увидев мой восторг от букета, продавщица устало улыбнулась:

— Я искренне и по-доброму завидую той девушке, которой подарят этот букет. Я бы и сама от такого подарка не отказалась...

Подхватив букет, я вышел из магазинчика и направился к паркингу. Какой-то крайней необходимости в машине не было — до вокзала легко можно было добраться и пешком, и на общественном транспорте, но сегодня что-то меня толкало взять машину и проехать по утреннему городу.

Солнце поднималось всё выше, и утренняя прохлада сменялась летним жарким днем. Скользнув под защиту бетонных плит, я углубился в паркинг — полусонный, как и продавщица, охранник кивнул мне, когда я проходил мимо него. В дальнем углу паркинга, среди машин бизнес класса, стоял и мой старенький Форд.

«Не мешало бы его помыть, — подумал я, глядя на пыльные двери машины. — Хотя нет... Рано еще... «.

Машина послушно завелась, и пока двигатель прогревался от многодневного простоя, я

вдохнул еще раз аромат роскошного букета, от которого моё сердце забилося еще сильнее. Мне казалось, что время вернулось на двадцать лет тому назад, когда впервые оно влюбилось, когда строки Пушкина, услышанные на уроке литературы, впервые тронули струны души, а не прошли бездушными фразами мимо:

«... И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.»

Не желая поддаваться минутной слабости, я привычным движением включил заднюю передачу и выехал с места парковки. На выезде всё тот же полусонный охранник взял у меня пропуск и открыл шлагбаум. День уже зажегся и переливался яркими красками, но людей всё еще не было. Несколько «лежачих полицейских», и машина выезжает на широкую дорогу. Здесь можно и дать «газу» Форду, чтобы тот «потряс своими косточками».

Перекресток за перекрестком — какое-то внутреннее нетерпение толкает вперед, заставляет спешить на встречу с Инной, как-будто я могу не успеть... Вокруг воздух пропитан разнообразными ароматами, какими только может похвастаться центр города — свежая ванильная выпечка, цветочные лавки и аромат свежескопченной травы. Работники коммунальных служб уже почти закончили уборку улиц и спешат спрятаться от палящего солнца в служебном транспорте.

Не желая стоять в пробках на самом железнодорожном вокзале я, как и всегда, остановил машину за квартал от места назначения. Часы показывают, что до прибытия нужного мне поезда еще сорок минут. Взяв букет, я закрыл машину и пошел неспешно по направлению к вокзалу. Почти все заведения еще закрыты, лишь сувенирные лавки и одинокие рестораны в такое время уже работают и с распростертыми объятиями ждут посетителей. В тени здания вокзала стоят таксисты и курят — народу вокруг на удивление немного, и почти никто не соглашается уехать за баснословные деньги. Увидев в моих руках букет цветов, таксисты мгновенно теряют ко мне интерес и продолжают дальше хвастаться своими подвигами молодости на любовном фронте. Я через подземный переход выхожу на нужный мне перрон и усаживаюсь на металлическую лавочку. Времени еще около получаса и можно просто откинуться на спинку и наблюдать за происходящим вокруг.

Вон локомотив выехал из депо и направился к составу, который стоял недалеко от него. Медленно подъезжая к вагонам, машинист даже не просит коллег проследить, всё ли гладко — тягач мягко ударяется в сцепное устройство ближайшего вагона и останавливается. Пара минут, и состав вместе с локомотивом устремляется вдаль, подальше от пыльного вокзала, одиноких людей и других поездов...

На соседние пути прибывает поезд. Я знаю, что это не тот, что мне нужен. Эти два поезда прибывают с разницей в десять минут, но раз он прибыл, значит уже час встречи близок. Вновь легкое волнение наполняет меня, заставляя сердце биться быстрее. Я нервно тереблю букет. Вскоре перрон заполняется пассажирами прибывшего поезда. Проходящие мимо меня девушки и женщины завистливо косятся на мой букет...

Наконец, зазвонил телефон. Я поднял трубку:

— Алло.

— Миш, привет. Это Инна. Я уже подъезжаю к вокзалу. Буквально, еще минут пять. Я в пятом вагоне.

— Отлично! Жду!

Легкая дрожь переросла в какой-то мандраж, и мне понадобилось собрать всю волю в кулак, чтобы подавить предательское дрожание тела. Ориентировочно, я сижу в районе хвоста поезда, но неизвестно, откуда начинается нумерация вагонов поезда. Значит, придется подождать объявления прибытия.

И как по мановению волшебной палочки вежливый голос диктора вещает:

— Поезд Н. — К. прибывает на пятый путь. Нумерация вагонов начинается с головы поезда.

«Вот так свезло», — морщусь я. Значит мне теперь придется еще идти через весь перрон и толпу прибывших пассажиров. Подхватив букет я пошел на другой конец перрона.

Рядом со мной пронесся прибывающий поезд, громогласно оповещая всех, кто не успел перебежать через рельсы, что уже поздно. В окнах проезжающих вагонов мелькали лица, но я даже не пытался разглядеть среди них Инну. Я просто шел по направлению движения поезда, стараясь покрыть как можно большее расстояние, прежде чем состав остановится.

Заскрипели тормоза и многотонная махина медленно остановилась. Раздался нестройный металлический лязг — проводники откинули первую ступеньку. Встречающих было немного, поэтому без особого труда я преодолел половину длины поезда. До заветного пятого вагона оставалось совсем чуть-чуть. Вот восьмой вагон, за ним седьмой, шестой и...

Сердце уже не просто стучало, а старалось выпрыгнуть из груди. Как лезвием по нему прошелся взгляд Инны, что стояла и болтала с весьма тучной проводницей в возрасте. Увидев меня и букет Инна смутилась, что-то буркнула и проводнице и пошла слегка прихрамывая ко мне. Светлый, практически белый летний сарафан «в цветочек» облегал её женственное тело, подчеркивая естественную красоту. Ту самую красоту, которую вы вряд ли увидите по телевизору или на обложках журналов. Дойдя до меня Инна остановилась и смущаясь сказала:

— Привет...

— Привет, милая, — улыбнулся я, сразу переходя через возможный барьер в общении. — Это тебе.

Вспыхнув еще раз Инна с восторгом в глазах взяла букет и обняла его. На её лице читалось удивление и восхищение:

— Мне никогда не дарили таких красивых роз... — прошептала она, вдыхая чуть сладковатый насыщенный аромат красных бархатных цветов.

— Ну вот! Молодец! — прогремело сзади Инны. — Я же говорила — найди себе нормального мужика. Этот вроде ничего, хоть и женатый!

Я поднял глаза — громогласный голос принадлежал всё той же тучной проводнице, что болтала до этого с Инной. И как она умудрилась заметить моё кольцо на таком расстоянии? Опыт, наверное, не иначе.

Инна вновь зарделась, помахала кулачком проводнице:

— Нюрка! Дура!

Проводница помахала нам рукой, развернулась и раскачиваясь пошла к четвертому вагону, скорее всего «перемывать» нам кости с коллегами.

— Пошли отсюда, — сказала Инна подталкивая меня в противоположную сторону. Я галантно предложил Инне взять меня под руку, чем она и воспользовалась.

— Ты хромаешь? — удивленно спросил я, когда мы прошли несколько метров.

— Не обращай внимания, — пробормотала Инна.

Мы вышли к зданию вокзала и медленно, протискиваясь сквозь привокзальных торгашей и прибывших пассажиров, пошли в сторону машины.

— Подожди, — сказал я останавливаясь. — А где твои вещи?

— Вот они, — сказала Инна, показывая на свою маленькую женскую сумочку. Я удивленно посмотрел на неё — обычно женщины таскали с собой половину гардероба, даже если он не подходил по сезону.

Что-то в лице Инны меня настораживало — было что-то такое, что меня смущало. И тут до меня дошло:

— Ты нарядилась?

— Да... — пробормотала Инна и испуганно спросила, — Тебе не нравится?

— Если честно, — мягко сказал я, стараясь не усугубить ситуацию, — то ты из тех девушек, которым косметика не нужна. Мне нравится, когда ты не скрываешь свою естественную природную красоту за макияжем.

— Ой, тогда я сейчас, — засутилась Инна, копаясь к сумочке.

— Не спеши, сейчас дойдем до машины — у меня там есть и влажные, и сухие салфетки, и зеркало, можно будет всё сделать спокойно и без суеты.

— Да я вот почти...

— Милая, не спеши, всё хорошо.

Инна недоверчиво посмотрела мне в глаза, но всё же перестала копаться в сумочке. Я с удивлением обнаружил, что Форд всё так же одиноко стоял у тротуара, где я его и оставил — сегодняшняя суббота была прямо из ряда вон выходящей по ленивости людей. Открыв машину, я тут же опустил все стекла, давая свежему воздуху войти в машину — пока меня не было, тот воздух что был в машине, уже успел нагреться и дышать им было просто невозможно.

— Твоя машина? — удивленно спросила Инна.

— Да, прошу прощения, что такой неприметный автомобиль встречает такую красавицу.

— Скажешь тут, — сказала Инна. — Это не то, что наш тридцатилетний «Жигуль».

— Ну, «Жигули» бывают разные, — философски заметил я, заводя машину и трогаясь с места.

Какое-то время мы молчали, чувствовалось, что Инна немного была напряжена. Тишину нарушил телефон, зазвонивший в женской сумочке. Когда его достали, я не поверил своим глазам — Siemens C35. Я отлично знал этот аппарат — он служил несколько лет мне верой и правдой, а потом служил ею же моим родителям.

— Да, мой маленький. Мама добралась. Всё хорошо, — проворковала Инна в телефонную трубку. — Завтра мама вернется, не переживай. Да, что-то куплю в подарок.

— Ребенок звонил, волнуется за маму, — с теплотой в голосе сказала Инна, поворачиваясь ко мне и пряча телефон в сумочку.

— Хороший у тебя сын растет, — искренне ответил я. — Не каждый ребенок будет переживать за свою маму.

— Да... — вспыхнула уже в который раз за день Инна.

— Слушай... — продолжила она смущаясь. Я вопросительно посмотрел на неё, на секунду отвлекаясь от дороги. — Не проси меня, пожалуйста, делать свои фотографии.

— Прости меня, пожалуйста, — с нотками стыда в голосе ответил я. — Если честно, то я не думал, что ты согласишься на такое. Но... Как ты смогла сделать фото на такой телефон?

— А, это... Не на свой телефон. На телефон сына... Ему подарили мои родители на прошлый день рождения...

Наступила неловкая пауза — я видел как на Инну нахлынули эмоции. — Не знаю как ты, — нарушил тишину я, — но я умираю с голода.

Клише из фильмов всегда помогало, когда нужно было разрядить обстановку.

— У меня есть пара бутербродов, — сказала Инна, опять открывая сумочку.

— Нет-нет, у меня есть на примете отличное место рядом с домом, где можно вкусно поесть.

Инна на мгновение задумалась, затем утвердительно кивнула. Я включил радио по-громче и мы устремились к дому.

Охранник завистливо проводил нас с Инной взглядом, когда мы выходили с паркинга. Забрав у него пропуск и прикрыв ему отвисшую челюсть, я взял под руку Инну и мы пошли в небольшой ресторанчик, что был всего в паре сотен метров от съемной квартиры. Ресторан — это было, пожалуй, слишком громкое название, но заведение очень сильно стремилось к «ресторанности».

На входе нас встретил вежливый администратор и поинтересовался:

— Подскажите, пожалуйста, на сколько персон вам потребуется столик?

— На двоих, — улыбаясь ответил я.

— Тогда располагайтесь за любым приглянувшимся вам столиком.

Самыми престижными столиками были те, что стояли у окна на втором этаже — сидя на мягких диванах можно было потягивать какой-либо напиток и наблюдать за бурлящим центром города. Поэтому, я мягко увлек Инну за собой на второй этаж и усадил за первым столиком у окна. Через минуту официант с вазой уже стоял возле нас. Прекрасный букет роз поставили в вазу. Инна смущенно опустила глаза.

— Чего бы тебе хотелось, милая? — поинтересовался я у Инны.

— Я буду чай... — пробормотала она, не поднимая глаз.

Я догадывался о том, что напрягало Инну — либо ей не хотелось показать, что денег у неё не так чтобы совсем много, либо гордость ей не позволяла воспринимать меня как спонсора, чтобы не обжечься как тогда в поезде. К такому меня жизнь особо не готовила, но я попробовал сгладить ситуацию:

— Послушай, сегодня ты моя гостья. Поэтому позволь мне тебя угостить завтраком. А обед и ужин уже будут уже у меня дома. А?

— Хорошо, — ответила с облегчением Инна и улыбнулась. — Ты мне pomoжешь выбрать что-то вкусное и недорогое?

— Конечно, милая, — улыбнулся в ответ я. — Но есть ли что-то такое, что ты мечтала бы попробовать.

— Есть десерт... Как-то наша начальница поезда приглашала нас в ресторан на свой день рождения. Так вот вместо торта там был тимису или термису.

— Наверное, «тирамису», — подсказал я, открывая последнюю страницу меню. Там как раз были фото десертов, среди которых красовалось сырное лакомство с шоколадной крошкой. — Оно?

— Ага! — утвердительно закивала Инна.

— Чуденько, — засмеялся я. — А кушать ты что любишь? Мясо? Рыбу?

— Я люблю пюре и рыбу.

— Отлично, значит договорились.

Как из-под земли вырос официант, когда я закрыл меню.

— Могу я вам что-то подсказать или вы уже что-то выбрали? — вежливо поинтересовался он.

— Мне, пожалуйста, стейк «Рибай» средней прожарки с картофелем «по-деревенски», а моей обворожительной спутнице стейк из лосося и сливочное пюре. На десерт, будьте любезны, тирамису и облепиховый чай.

— Хорошо. Подскажите, не холодно ли вам, а то у нас работает кондиционер?

— Нет, для чая у вас как раз отличная температура, — улыбнулся я официанту, вручая ему меню.

— Как ты добралась? — поинтересовался я, когда фигура официанта скрылась из вида.

— Неплохо. Набилась в попутчицы Нюрке — хоть она и вредина, но бесплатно провезла с собой в купе. Мы так иногда выручаем друг друга.

— А если зайдет начальник поезда?

— Его я тоже знаю. Вредный тип, но обычно коллеги друг друга выручают, поэтому не ссадил был.

— Понятно, — посмотрел я Инне в глаза. — А почему — «Нюрка»? Она же старше тебя лет на пятнадцать, если не больше.

— На семнадцать, — сказала Инна и запнулась, испугавшись, что раскрыла тайну подруги. — Но мы с ней крепко сдружились. Она мне стала второй матерью — всегда и гостинцев передает моему Димке, и деньгами выручит, когда совсем туго.

— Комплимент от шефа, — раздался над ухом вкрадчивый голос официанта. На подносе у него было две стопки с томатным соком и сухариками на шпажке. Также там стоял высокий бокал с хлебными палочками. Гриссини или как их там?

Инна удивленно посмотрела на меня:

— И что с этим делать?

— Ну что-то типа такого, — ответил я отправляя сухарик в рот и запивая стопкой томатного сока. Точнее, гаспаччо.

— Это такой итальянский холодный суп — гаспаччо. В наших краях отличие от томатного сока со специями минимально.

Инна недоверчиво понюхала стопку с гаспаччо, но всё же нашла в себе силы выпить оный.

— Неплохо, но не моё, — наконец сказала она. Я кивнул — по какой-то неведомой причине очень малому кругу девушек нравился этот суп.

— Как там твой ребенок? — желая перевести разговор на другую тему спросил я.

— Димка... Считает дни до поездки к бабушке с дедушкой. Они в нем души не чают. Вечно идут у него на поводу — то машинку новую привезет, то конструктор, — задумчиво ответила Инна.

— У меня с родителями немного напряженные отношения... — спустя минуту добавила она. И предвосхищая вопрос сказала, — Они не очень довольны моим браком.

— Хорошую вещь браком не назовут, — сострил я, желая немного сгладить разговор.

— Это точно, — какой-то измученной улыбкой ответила мне Инна.

— Ваш стейк «Рибай» и картофель, — вновь прозвучал вкрадчивый голос официанта. — Ваш стейк из лосося и сливочное пюре, мадмуазель.

«Кто-то уж сильно переигрывает в вежливости», — подумалось мне. Но официант растворился настолько быстро, что я даже не успел почувствовать раздражения к нему. Я сторонник того, что всегда и везде необходимо общаться вежливо вне зависимости от

внутренних эмоций, но когда это доходит до какого-то раболепства — это уже слишком.

— Мне кажется, или рыба и мясо сыроваты? — поинтересовалась Инна глядя на срез моего стейка и отрезая кусочек лосося.

— Как тебе сказать, — улыбнулся я. — Считается, что вкус лосося, как и вкус хорошей говядины, раскрывается именно в средней прожарке. То есть, это и не сырое мясо, но и не полностью готовый продукт.

— Странный вкус, но мне нравится.

— Ты никогда не ела повсеместно популярных «роллов», в которые кладут сырую рыбу? — удивленно спросил я.

— Не с моим достатком... — сказала Инна и запнулась.

— Прости, что-то я сегодня совсем не попадаю в темы для разговора, — извинился я. — Правда, я так ждал твоего приезда, что распереживался и горожу всякую чушь.

— Да не в том дело, — сказала Инна и её лицо немного посветлело. — Мне стыдно признать, что я одна работаю, чтобы содержать и сына, и мужа. Муж тащит последние деньги из семьи, а сын уже три года как просит себе компьютер.

Я было собрался сказать, что ничего страшного в этом нет, но вовремя прикусил язык. Сегодня он был моим главным врагом.

— Всё хорошо, — закончила свою речь Инна и улыбнулась.

Минут десять мы поглощали пищу, которая, кстати, была весьма неплохо приготовлена. Как только наши тарелки опустели, как тут же появился официант с десертом. Инна взяла капельку лакомства десертной ложечкой и отправила в рот. Её глаза закрылись, а на лице отразился какой-то детский восторг. То чувство, когда ты мечтаешь днями напролет о том, чтобы тебе подарили что-то, и вот оно твоё! Тебя распирает от счастья, тебе хочется поделиться со всеми своей радостью, чтобы все порадовались за тебя!

Именно такую бурю эмоций я прочитал за ту минуту, что Инна сидела без движения. Наконец она стряхнула с себя оцепенение и принялась уплетать десерт без остановки. Я улыбнулся и налил нам обоим чая. Из всех возможных чаев мне больше всего нравился облепиховый — несладкий кисловатый привкус отлично сочетался с десертом.

Инна оторвалась от сырной массы и сделала глоток чая. На лице её играла озорная детская улыбка. Она протянула руку и положила её на мою. Глаза Инны наполнились радостью и доверчивостью. Я взял её руку в свои руки, поцеловал и прижал к щеке. Маленькая слезинка счастья скатилась по щеке Инны... Выйдя из ресторана мы направились к дому. На улице уже было довольно жарко — июльское солнце давало о себе знать. Молчание нарушила Инна:

— Слушай, а у тебя есть дома клей?

— Есть, а что случилось? — поинтересовался я.

— Ну ты спрашивал, чего я хромаю — это у меня босоножек расклеился.

И тут до меня дошло всё — мой взгляд скользнул по босоножкам Инны: какой же я дурак, что сразу не обратил внимание на обувь! В голове моей мелькнула мысль:

— Слушай, а давай мы поедem на рынок?

— Миш, у меня не так много денег, чтобы в вашем областном центре покупать себе обувь, — честно ответила Инна.

— Трактую это как согласие, — ответил я, и подхватив Инну под руку, потащил её к метро. Проведя магнитной картой по двум соседним турникетам мы вместе прошли к эскалатору.

— Я боюсь эскалаторов, — призналась Инна, останавливаясь перед движущейся лестницей.

— Сейчас будем это лечить, — сказал я, становясь на ступеньку и притягивая к себе Инну. Она робко ступила на эскалатор и замерла, закрыв глаза. Так прошла, наверное, пара минут, прежде чем Инна открыла глаза.

— Уже всё закончилось? — спросила она, оглядываясь по сторонам.

— Ну почти, — улыбнулся я, обнимая Инну. Спуск был достаточно длинным, поэтому в обнимку мы простояли минут пять, а то и все семь.

Выход с эскалатора был самым страшным местом по уверениям моей мамы, поэтому я первым сошел с движущейся лестницы и помог сойти Инне.

— Коллеги, — вполголоса произнесла она, глядя на сотрудниц метрополитена.

— Ну почти, — ответил я и потянул её к остановившемуся перед нами вагону метро.

Я решил отвезти Инну на окраину города, где снимал квартиру пару лет назад. Там был вполне себе дешевый рынок с ценами значительно ниже, чем на других рынках. Да и выбор радовал глаз.

К счастью для Инны, конечная станция была на минимальной глубине под землей, поэтому вместо эскалатора были привычные ступеньки. Мы вышли из метро и в лицо нам дохнул обжигающий воздух. Дышать было практически нечем. Поэтому я быстро потянул Инну под спасительные навесы рядов рынка.

Через несколько бутиков мы, наконец, дошли до обувного ряда.

— Начинай присматривать обувь, — сказал я, когда мы очутились среди обилия обуви, как летней, так и зимней.

Инна кивнула и с присущим всем женщинам рвением начала заглядывать в каждый магазинчик или бутик. Для меня это было испытание на прочность. Просто... Просто я ненавидел ходить с женой на рынок. Когда я что-то покупал себе, то точно знал, чего хочу — марка кроссовок не менялась уже года три, а то и все четыре. Почти однотипные джинсы и футболки. Почти как у Стива Джобса. Не то, что я был его фанатом, но мне нравилась идея такой неформальной униформы.

Девушки же старались покрыть максимальное количество бутиков, видов обуви и прочего за тот период, что находились на рынке. Три-четыре раза посетить одни и те же места.

Перемерять те же сапожки или туфельки. Гр-р-р-р!

Инна, казалось, почувствовала моё легкое напряжение, поэтому буквально уже на четвертом бутике она наткнулась на босоножки, в которые влюбилась.

— Добавишь мне немного денег? — смущаясь спросила Инна.

— Конечно. Что-то еще нравится?

— Ну если честно, то я не уверена, брать эти или вот эти... — сказала Инна, указывая на те босоножки, что примеряла до этого.

— Ясно, — улыбаясь сказал я, и повернувшись к продавщице добавил, — вы же нам сделаете скидку на эти две пары?

— Двести рублей, больше не скину, — косо глядя на нас сказала продавщица.

— Ну хоть на мороженное будет, — рассмеялся я, доставая необходимую сумму из бумажника. Рассчитавшись с продавцом, я предложил Инне сразу же обуть новые босоножки.

— А если натрут? — спросила Инна.

— Мы много сегодня ходить не будем, честно слово, — ответил я.

— Вам пакетик дать на старую обувь? — поинтересовалась продавщица с интересом глядя на нас. Ведь мужья и жены обычно в нашем городе себя так не вели. Любовницы с любовниками

тоже.

— Нет, мы её сразу же выбросим, — ответил я опередив Инну. Она посмотрела на меня как на еретика. — Да-да, мы её выбросим.

Распрощавшись с продавщицей и спрятав вторую пару босоножек в мой рюкзак мы пошли дальше. Я нарушил очередное молчание:

— Я бы очень хотел сделать тебе еще один подарок и был бы очень рад, если ты его примешь.

— Какой? — заинтересовано спросила Инна.

— Женское белье. Красивое кружевное женское белье.

— Это дорого и... — не в первый и не последний раз запнулась Инна. — И я буду чувствовать...

Хотя я уже чувствую что тебе должна.

— А когда у тебя был день рождения? — ухватился я за спасительную соломинку.

— Неделю назад, а что?

— Вот и чудно! Будет тебе подарок, пусть и с запозданием на неделю.

— Пусть будет по-твоему, — согласилась Инна. Я с облегчением вздохнул.

— Что, не похожа я на ваших местных девушек? — ободряюще подмигнула мне она.

— Абсолютно не похожа, — честно ответил я.

На следующем ряду рынка как раз было женское белье.

— И что же ты мне хочешь подарить? — поинтересовалась Инна.

— А вот что, — ответил я показывая на манекен. На манекене красовались полупрозрачные красные трусики и такой же красный лифчик.

— А не слишком ли это вызывающе? — спросила Инна.

— Можем взять это, — показал я на соседний манекен, где был полный комплект белого женского белья: прозрачные белые чашечки лифчика, прозрачный лобок на трусиках и белый поясик с чулочками.

— Нет-нет-нет, — затрясла отрицательно головой Инна. — Давай, лучше красненький комплект.

— Вам что-то подсказать? — поинтересовалась продавщица.

— Нам нужен такой вот красный комплект на мою прекрасную спутницу, — сказал я показывая на манекен и на Инну.

— Где-то должен быть такой. Можете зайти примерить лифчик.

Инна вручила мне свою сумочку и спряталась за импровизированной ширмой. Продавщица извлекла нужный комплект из клетчатой сумки и протянула Инне. Спустя пару минут, она поманила меня пальчиком. Подойдя ближе, я ошалел: аппетитные сисечки Инны третьего размера идеально легли в полупрозрачный красный лифчик, сквозь который безо всякого труда можно было различить затвердевшие сосочки моей спутницы.

— Берем, — без тени всякого сомнения ответил я.

— Жарко... — начала Инна, когда мы направились к выходу из рынка.

— Да, уже едем домой. Сейчас вызову такси.

— Такси? — с ноткой возмущения спросила Инна и мгновенно перевела тему разговора. — Ой, это что — «Лего»?

— Скорее да, чем нет, — ответил я, разглядывая сквозь стекло бутика с детскими игрушками различные фигурки из конструктора.

— Димка просил привести что-то ему. Уже два года как он клянчит на Новый Год набор Лего. Ты добавишь мне денег?

— А ты разрешишь мне сделать подарок твоему ребенку?

— Пожалуй что да, но не проси, пожалуйста, у меня ничего взамен.

— Даже не думал, — честно ответил я, глядя ей в глаза. — Пойми, я тебя рад видеть не потому, что мне от тебя что-то нужно. Просто, мне кажется, что я влюбился...

От этих слов Инна стала пунцовой и отвернулась. Пока она боролась со своими эмоциями я зашел в бутик. Да, если бы мне кто-то подарил один из таких наборов в детстве, то я был бы самым счастливым человеком в мире!

«Звезда Смерти» была шикарна, но... Но почти тысяча долларов за конструктор как по мне — это уже немного перебор. Поэтому мой выбор пал на один из наборов Lego Technic.

— Заверните вот этот, пожалуйста, — сказал я продавцу. Молодой парень, который судя по всему, тратил всё рабочее время на сборку этих конструкторов, быстро засуетился и достал из под прилавка нераспечатанный набор, вскрыл липучку и показал, что всё чинно, всё в наличии.

Когда я вышел из магазинчика, Инна стояла и смотрела на меня как-то странно. Эмоции бурным потоком проносились по её лицу, заставляя мимику меняться практически мгновенно. — Зову такси, — миролюбиво сказал я, набирая номер диспетчера.

«Будет через пару минут», — ответила девушка-диспетчер и отключилась.

— Ты это серьезно сказал? — спросила Инна, заглядывая в мои глаза.

— Как никогда в жизни. Пойдем, машина сейчас подъедет, — сказал я, увлекая за собой Инну.

И действительно, только мы вышли с рынка, как нас уже ждала заявленная машина.

— Это центр? — спросил водитель, касательно маршрута, когда мы сели на заднее сиденье такси.

— Да, возле магазина «*****-мастер».

— Понял, хорошо.

В машине работал кондиционер, за что я был безумно благодарен водителю такси. Жара на улице уже стояла просто невыносимая. Инна немного задремала, лежа у меня на плече, как вдруг резко проснулась и испуганно зашептала мне на ухо:

— А где твоя жена?

— Не переживай, она в командировке на ближайшую неделю.

Невольно подслушав наш разговор, водитель такси хмыкнул, но не отвлекся от дороги.

Спустя минут тридцать мы уже были возле искомого подъезда. Из-за металлической двери вышла бабушка, что жила на пару этажей ниже. Особо мы не общались, но она весьма пристально оглядела нас с Инной, когда я поздоровался с ней. В подъезде было всё так же жарко. Быстро прыгнув в лифт, через минуту я уже открывал входную дверь в квартиру.

В квартире было пусть немного, но всё же прохладнее, чем в коридоре. Пропустив Инну вперед, я закрыл за нами дверь.

— Неплохая квартирка, — сказала Инна осматриваясь по сторонам.

— Ага, и это только прихожая, — сострил я.

В холодильнике у меня как всегда лежала пара бутылок минеральной воды. Я достал одну, налил полный стакан и предложил Инне. Она с благодарностью взяла стакан у меня из рук и почти залпом выпила всё содержимое одного. Взяв пустую емкость у Инны, я налил еще один стакан и выпил уже сам.

— Может, душ? — поинтересовался я.

— Пожалуй, не откажусь.

— Могу спинку потереть, — тонко намекнул я на совместное купание.

Инна слегка вздрогнула.

— Не бойся, — продолжал я. — И не подумай ничего плохого. Я, правда, хочу тебе помочь выкупаться.

— Хорошо, — согласилась с моим предложением Инна. Я сбросил с себя джинсы и футболку, Инна же сняла с себя сарафанчик и предстала передо мной в светлом лифчике, который был немного маловат и явно не новый, но нисколько не портил великолепную грудь девушки. Снизу же были обычные белые хлопковые трусики.

— Трусы на колени, — скомандовал я, вспомнив свой поход в военкомат. Инна с удивлением посмотрела на меня. — А, ну ты же не служила, — рассмеялся я.

Инна не перестала удивленно смотреть на меня, в её взгляде читалось легкое раздражение.

— Прости, опять неудачно пошутил, — извинился я. — Просто, пока мы с тобой будем отдыхать, я брошу все вещи в «стиралку» и до завтра, а то и до вечера, всё высохнет на такой-то жаре.

— Тогда подвинься, — сказала Инна, залезая в ванную и закрывая себя шторкой. Через минуту из-за шторки появилась рука с трусиками и лифчиком. Взяв у Инны её белье и подхватив верхнюю одежду, я пошел на кухню, не преминув вдохнуть аромат восхитительного женского лона. Закинув белье и засыпав порошок, я включил стандартный режим стирки и пошел назад к Инне.

— Как тут у тебя всё включается? — спросила Инна из-за шторки.

— Сейчас всё покажу, — успокоил её я, отодвигая шторку.

Инна слегка прикрылась рукой, но сделала это больше из-за непривычки, нежели из-за того, что сильно меня стеснялась. Включив воду через душ и отрегулировав температуру до комфортной я направил струю воды на прекрасное тело Инны. Оно, как и в прошлый раз, приводило меня в восторг своей красотой — всё те же аппетитные сисечки третьего размера, округлые бедра и восхитительная попка. Небольшой животик, но как я уже говори — это только добавляло красоты Инне в моих глазах.

Её тело извивалось под струями прохладной воды, которые смывали пот и грязь от улиц города. Прохладный душ был самым первым товарищем в борьбе с душной летней погодой. Вторым товарищем был кондиционер. У кого он был, конечно.

Я потянулся за шампунем и протянул его Инне. Понимая, что придется раскрыться, она чуть согнула левую ногу, скрывая от меня свою киску, и открыла мне прекрасный вид на свою грудь. Выдавлив немного шампуня в руку, она протянула мне флакон. И пока Инна мылила голову, у меня был отличный шанс полюбоваться на её сисечки.

Поставив шампунь на место, я протянул Инне гель для душа. Я думал, что она отвернется от меня, когда будет намыливать киску, но немного привыкнув к моему обществу, Инна уже почти не стесняясь намылила и попку, и киску. Направив струю воды на юное тело, я смыл с Инны и гель, и шампунь, давая ей насладиться прохладным душем после нашей затянувшейся прогулки.

— А спинку? — спросила Инна, вопросительно глядя на меня.

— Уже иду, — улыбнулся я и залез в ванную к Инне. Вручив ей душевой шланг я намылил спинку девушки гелем для душа и взял мочалку. Мочалка была двусторонней — с мягкой стороной и относительно грубой. Я аккуратно растер гель мягкой стороной, а затем

осторожно начал тереть грубой.

— М-м-м-м... — закрыв глаза, протянула Инна. Закончив манипуляции с мочалкой, я её отбросил и приобняв Инну за талию, крепко прижался к её спине, ощущая как мой член, что оказался в районе попки Инны, вдруг резко начал подниматься.

— Фу, ты же грязный, — шутливо отстранилась от меня Инна.

— Но только не спереди, — ответил ей я показывая ей, что тоже оказался весь в мыле. Я быстро намылился гелем, и сполоснул нас обоих из душа.

— Всё, водные процедуры объявляются закрытыми, — подытожил я, вылезая из ванной и помогая Инне проделать то же самое. Ступив ногами на пол она оказалась в моих объятиях.

— Может, немного постоим? — спросила у меня Инна, прижимая меня к себе. Мы стояли оба мокрые и уставшие, но счастливые в объятиях друг друга.

— Обязательно постоим. А сейчас — держи полотенце.

Пока Инна вытиралась полотенцем и приводила себя в порядок, я метнулся в комнату, готовя всё к отдыху: разложил диван, включил кондиционер на 24 градуса, поставил журнальный столик рядом с диваном и закрыл дверь в спальню, чтобы кондиционер не работал зазря.

— Что будем делать? — поинтересовалась Инна.

— Одну минутку, — сказал я, застилая диван покрывалом и бросая пару простыней туда же. — Ложись на диван, можешь даже спрятаться под простыней, а я пока сбегаю за десертом.

В холодильнике у меня был припрятан килограмм клубники и взбитые сливки. Честно говоря, сочетание было так себе, но зато со взбитыми сливками можно было творить всякое...

Я поставил на столик клубнику и взбитые сливки и убежал за напитками. Во всё том же холодильнике у меня была припасена бутылка шампанского (и не одна!). Захватив еще в довесок пару стаканов, я наконец-то улегся рядом с Инной.

— На этот раз ты как-то скромнее ко мне подкатываешь, — пошутила Инна. Я улыбнулся ей в ответ.

Хлоп! И игристый напиток разливается по стаканам.

Вручив Инне импровизированный бокал с ледяным шампанским, я произнес тост:

— Я бы хотел выпить за тебя, за то что ты нашла в себе силы приехать ко мне. За то, что у меня есть возможность провести с тобой хоть капельку времени.

Инна смущенно опустила глаза и чокнулась своим стаканом с моим. Мы отхлебнули немного шампанского.

— Хочешь немного клубники? — спросил я.

— Если честно, то нет. У меня родственники килограммами её передают из деревни. Мы уже и варенье варили, и так её ели.

— Ну тогда давай хоть попробуем взбитые сливки, — улыбнулся я.

— Это как? — с легким непониманием спросила Инна.

— А вот так, — ответил я, оголяя грудь моей гостьи.

— Так, что ты задумал? — настороженно спросила она.

— Не бойся. Я плохого ничего тебе не сделаю, — доверчиво улыбнулся я, поставив стакан на столик и взяв вместо него баллончик со взбитыми сливками. — Поверь мне, это не страшно. Я встряхнул баллончик и нанес капельку сливок на сосок Инны.

— Ой, холодно! — хихикнула вздрогнув Инна.

— Угу, — промычал я, обсасывая сладенький сосочек. — И вкусно!

Инна хихикнула.

— Дай я попробую, — сказала она, забирая у меня сливки и проделывая ту же операцию со мной. — Да, вполне вкусно. Но будь ты чуть более волосатый, я бы на это не решилась.

Вернув себе взбитые сливки я нанес на теле Инны сладкую дорожку, которая начиналась на сосочках, поднималась к шее и медленно между грудями спускалась вниз к пупочку. Шла всё ниже к бедрам и заканчивалась у гладковыбритой киски.

Инна закрыла глаза и полностью отдалась в мои руки. Я же с большим удовольствием сосал оба сосочка попеременно, массируя её сисечки, затем мой язычок скользнул между ними и направился вниз. Я целовал каждый миллиметр её животика, слизывая с неё капельки сладкой массы. Когда же мой язычок добрался до заветной киски, Инна застонала. Девичье тело задрожало от желания когда мой рот начал мягко обсасывать самое вкусное — аппетитный клитор.

— Не мучь меня, пожалуйста... — простонала Инна.

Я с неохотой оторвался от возбужденной киски, которая потекла настолько обильно, что покрывало под Инной вмиг стало влажным.

— Мой последний раз был тогда с тобой... — продолжала стонать она.

Я поцеловал в засос Инну и осторожно уложил на диван. Передо мной открывалась восхитительная картина, еще красивее, чем было тогда в поезде: гладковыбритая киска, изнывающая от желания, манящая грудь с затвердевшими сосочками и постанывающая от желания девушка.

Мягко войдя в Инну я на мгновение остановился, давая киске Инны привыкнуть к члену. Обилие смазки позволяло безо всяких проблем войти и выйти из неё, но я старался быть максимально деликатным. Мне не хотелось ничем испортить великолепие сегодняшнего дня. Инна приоткрыла глаза:

— Ты так и будешь стоять там?

Я улыбнулся и, наклонившись к Инне, поцеловал её в губы. Мои руки скользнули ниже, к аппетитным булочкам девушки, крепко их схватив и прижав девичье тело к моему. Покрывая поцелуями лицо и шею Инны я осторожно начал входить и выходить из киски, которая как красная бархатная роза расцвела и источала аромат восхитительного женского лона. Я немного отстранился от Инны и начал наращивать темп. Мои пальцы играли с сосочками великолепной женской груди, мяли сочные сисечки и играли с клитором, пока член с размаху входил и выходил из великолепного розового бутона.

Инна постанывала в такт моим движениям и всю помогала мне: как только мои пальчики освобождали сосочки или клитор, её шаловливые ручки тот час же занимали освободившееся место. Девушку заводило, когда мои яички шлепались о её попку:

— Да, Миша!!! Еще!!! — стоны Инны, скорее всего, слышал уже весь дом, но её это заводило еще больше. Женское тело извивалось подо мной, стараясь еще глубже насадиться на член, как вдруг задрожало и выгнулось навстречу мне. В момент оргазма Инна сладко закричала и без сил рухнула на диван.

Я уложил Инну набок и пристроился сзади. В последнее время я любил такую «ленивую» позу — после оргазма можно было просто заснуть безо всяких лишних движений. Притянув Инну к себе за бедра, я приподнял одну её ногу, чтобы было удобнее входить в киску и продолжил наши шалости. Инна лишь тихонько стонала, когда мой член с размаху входил в неё. Буквально, пара движений, и я, не желая больше терпеть, бурно кончил в киску, заливая

всё спермой. Сперма вытекала из киски, стекала по аппетитной попки Инны и капала на и без того уже влажное покрывало.

Я обнял Инну и мы заснули.

Когда я проснулся, то не обнаружил её рядом. Зато в воздухе стоял устойчивый запах еды. Сомнений не было — Инна уже проснулась и порылась у меня в запасах продуктов. И действительно, как только я вошел на кухню, то увидел как на плите кипела кастрюля с борщом, а рядом в сотейнике стояло уже готовое рагу. Я почесал затылок:

— Гм... Я что-то не помню, чтобы у меня свекла оставалась...

— Ты пару небольших «свеколок» зачихнул к моркови, — ответила улыбаясь Инна. В отличии от меня, она хоть немного прикрыла своё тело полотенцем. Я же предпочитал в отсутствие гостей ходить голышом, особенно в жаркую погоду после секса.

— Вот уж не думал, что ты так быстро тут освоишься, — пробормотал я глядя на часы. Спал я всего три часа. — Как ты умудрилась столько всего сделать? У меня как раз три часа на это бы и ушло.

— Ты что, готовишь? — удивилась Инна.

— Не поверишь, но еще стираю, убираю и покупаю продукты. Когда необходимо, конечно.

— Ну ты даешь... — удивленно ответила Инна. — Первый раз такое вижу.

Я развел руками. Инна хлопотала у плиты, не забывая периодически спрашивать меня:

— А может покушаешь? Борщ уже почти готов. Ему бы настояться, да еще бы сметаны... Или рагу хочешь? А что хочешь?

— Не что, а кого, — улыбаясь сказал я.

Инна улыбнулась мне в ответ и принялась еще больше повиливать бедрами передо мною.

— Пожалуй, я выпью кофе. Никак не могу проснуться, — после недолгого молчания добавил я. Благо чайник был почти полным. А пока старенький пластиковый электрочайник надсадно пыхтел, стараясь в очередной раз не опростоволоситься, я продолжал восхищаться переменами Инны — с каждой минутой она становилась всё красивее и женственнее. После завтрака и секса её лицо источало радость и счастье. И если до этого она была просто красивой, то теперь полностью расцвела и сшибала с ног своей красотой.

— Мне завтра рано утром на поезд, — сказала Инна, перебивая моё любование ею.

— Никаких проблем, — ответил я. — «Рано» — это в котором часу?

— В девять утра поезд уже отправляется.

Я кивнул. Не так уж и рано, как по моим меркам. И тут меня осенило:

— Ой, блин. Я же совсем забыл о стирке... Сейчас всё исправлю.

Пока Инна заканчивала готовку борща, я быстро развесил белье на лоджии. не очень хороший советчик в этом вопросе. Потому что вопрос крайне сложный. Инна с удивлением посмотрела на меня:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну давай по-честному: все, кому ты жаловалась, скорее всего разделились на два лагеря. Первый говорит — разводись с ним и ищи себе нового мужика, а второй — он отец твоего ребенка, поэтому слушай его во всём и не прекословь. На всё воля Божья.

Глаза у Инны раскрылись еще шире:

— Откуда ты знаешь?

Я криво улыбнулся:

— Ты не поверишь... Знаешь, что я чаще всего слышу от знакомых и друзей? Правильно,

слышу то, что их половинка с которой они развелись или развелись их дети — козел/коза, кобель/шлюха и так далее.

Глаза Инны раскрылись максимально широко:

— И что в этом такого?

Я немного завелся, так как тема, действительно, была уже крайне болезненной:

— Ну вот послушай меня, пожалуйста. Вот одна моя знакомая, которая не могла себе цену сложить, вышла так замуж. Долго перебирала кавалеров, особенно богатых и влиятельных, но они её, почему-то, замуж не звали. Пришлось довольствоваться обычным менеджером, у которого была своя квартира и машина. А там и ребенок и...

Инна заинтересованно ловила каждое моё слово:

— Короче развод и прочее-прочее. Когда через несколько лет я встретился с родителями знакомой, то это было больше похоже на форменный балаган. Мол, зятёк-то оказался наркоманом! Последние деньги из семьи тащил. Пришлось развестись, но когда он забывает платить алименты, то наша доча звонит и грозит ему судом. И деньги мгновенно приходят на счет.

Инна сидела не дыша и внимательно внимала мне.

— Так вот, — продолжал я, — ты вот мне скажи — не чувствуешь здесь подвоха?

— Не особо... — ответила Инна.

— А как может наркоман, который последние деньги тащил из семьи на наркотики, вдруг (!) резко находить деньги на алименты? Если бы человек плотно сидел на наркотиках, то алименты были бы последним, что его интересовало. Ведь с зависимостью тебя бы сразу поперли с работы, и все твои мечты были бы просто найти копейку на дозу.

— Ну возможно... — не особо соглашаясь со мной протянула Инна.

— Если этого недостаточно, то вот скажи мне, пожалуйста — какая любящая жена вдруг возьмет и просто бросит мужа, если тот оказался наркоманом? Ни слова о том, что обращались к врачам, ни слова о лечении. Просто взяла и бросила наркомана, да еще и алименты с него требует. И вся семья теперь этим гордится. Как по мне — кто-то здесь чего-то не договаривает.

— Мне кажется, что в твоём случае всё может быть и совсем по-другому.

— Я не спорю, — согласился я. — Моя теория строится на предположении, но не на фактах. Другое дело, что я ни разу в жизни не слышал от разведенных супругов чего-то хорошего об их совместной жизни. Тонна грязи льется в адрес супруга, но ни слова о том, что а вот то-то было хорошо, или вот есть что вспомнить... Как так получается, что в мгновение ока любимый человек становится хуже чёрта?

— Ты хочешь сказать, что если я разведусь со своим мужем, то буду ничем не хуже всех твоих знакомых?

— Позволь мне повториться — вопрос весьма сложный и философский. Касательно второго лагеря, который считает, что место женщины на кухне и она обязана во всём слушаться мужа, то как по мне — это как анекдот о Сталине, Хрущеве и Брежневеве, когда, после расстрела машиниста поезда Сталиным, Брежнев встает, закрывает окно шторой в вагоне и говорит: «Всё нормально, мы едем». Другими словами тебя заставляют молча подчиняться обстоятельствам и слепо верить в светлое будущее.

— Я вообще запуталась, — честно призналась Инна.

— А я и не надеялся всё просто объяснить, — ответил я. — Мой основной посыл в том, что

единого и надежного способа решить проблему семейных отношений нет. Поэтому я и не хочу навязывать своё мнение. Я уверен, что ты сможешь разобраться в своих отношениях и сделать правильный выбор вне зависимости от мнения окружающих.

На глазах Инны навернулись слёзы.

— Спасибо... — прошептала она. — Ты первый, кто поверил в то, что я смогу сама решить свои проблемы, а не навязываешь свои советы.

— Жизнь, вообще, философская штука, — задумчиво произнес я. — А сколько лет твоему Димке?

— Семь, скоро будет восемь, — с дрожью в голосе ответила Инна. — А что?

— Нет, ничего, — решил я закрыть этот вопрос, чтобы избежать истерики. — Прости, что спросил. Я вижу, что тебе немного больно вспоминать о том, что он там сейчас дома один. Но последнее, что хочу добавить — в следующий раз бери его с собой: ходим в детский парк, катаемся на аттракционах, поедим мороженого.

— Спасибо, спасибо за всё... — прошептала Инна и разрыдалась мне в плечо. Я не стал успокаивать её, потому что предпочитал дать человеку выплакаться, выплеснуть все эмоции, а не врать в лицо в попытке успокоить.

Спустя минут пять Инна вытерла мокрое лицо краешком покрывала и всхлипывая сказала:

— Вот дура... Разревелась в такой-то день...

— Не надо так о себе, — успокоил её я. — Когда накапливается масса эмоций и переживаний, то полезно себе давать разрядку.

— Просто... — начала Инна и запнулась. — Просто я не могу так просто взять и развестись с мужем...

— Ну если бы это было так просто, то я уверен, что ты бы давно развелась, — подбодрил её я.

— Квартира, в которой мы живем, принадлежит мужу. После развода у меня только путь назад в деревню, где особо нет работы, так как моей зарплаты на съём квартиры не хватит. Да и ребенка тогда на кого оставлять? На соседей? Меня в городе может не быть день, а то и больше.

— Не горячись, — успокаивающим голосом ответил я. — Тебя никто не торопит с действиями, никто не гонит в шею. Просто, если вдруг понадобится моя помощь — физическая, финансовая, да любая, короче, то я всегда рад помочь.

— Спасибо...

Инна еще пыталась всхлипывать, но спустя минут десять затихла и заснула. Я тихонько включил телевизор, чтобы создавал шум на заднем фоне (я так быстрее засыпаю), и через пять минут уже спал...

Проснулся я утром по будильнику — Инны рядом не было. В комнате было прохладно благодаря кондиционеру, но как только я вышел в коридор, то наткнулся на весёлую Инну, которая уже оделась в свежевystиранные вещи и напевала себе под нос:

«... Всё что было — всё, что помнила сама

Смел котейка с подоконника хвостом...»

Увидев меня, она повисла на моей шее и чмокнула в щеку:

— Как спалось?

— Спал как убитый, — признался я. — «Нюркина песня»?

— Ага, — улыбнулась Инна. — Вот потому я Нюрку Нюркой и зову.

Я улыбнулся:

— Я смотрю, ты уже собралась и готова в путь-дорогу.

— Ага... — сказала Инна и сникла. — Я тут подумала, что не могу принять твои подарки...

— Босиком поедешь? — поинтересовался я.

— Ну одну пару босоножек возьму, остальное — извини...

— Ты считаешь, что я тебя купил? — немного завелся я. — Так вот присядь, пожалуйста, и послушай меня.

Мы уселись на диван и Инна с легким испугом посмотрела на меня.

— Если ты думаешь, что я родился с серебряной ложкой в заднице, то ты глубоко ошибаешься, — продолжил я. — Моё раннее детство пришлось как раз на начало девяностых, когда рухнул Советский союз. И хоть мне немного больше повезло чем твоему Димке — у меня оба родителя работали, никто из них не тянул последних денег из семьи, но это не спасало от того, что моим родителям почти год не платили зарплату.

Инна затихла и молча смотрела на меня.

— Ты знаешь, насколько страшно слышать слова убитой горем матери — «Не знаю, чем я завтра вас буду кормить... Меня, наверное, будете есть...»? Это в деревне, где казалось бы — огород тебя прокормит? Всё что можно было украсть и продать — украдено и продано. Продавалось всё — боевые награды дедов, транспорт, мебель, чтобы урвать хоть какую-то копейку.

— Когда поход на день рождения друга, — продолжал я, — превращается в кошмар с головомойкой — тебя могут просто не отпустить родители, ведь денег чтобы купить твоему другу подарок у них нет. Жесткий подсчет друзей, что ты приглашаешь к себе на день рождения. Никаких обновок, кроме самого необходимого. Но самого низкого качества ибо дешёво.

В квартире царила мертвая тишина, нарушаемая лишь моим раздраженным голосом:

— И если ты думаешь, что вся эта каша была заварена лишь для того, чтобы трахнуть тебя, то ты слишком сильно себе льстишь! Когда я слышу от тебя о твоём сыне, то я представляю себя на его месте и не хочу, чтобы он всё своё детство провел так же как и я! Незнакомые люди, когда узнавали о профессии моих родителей, спрашивали: «Тебе медаль Потерянного Детства не выдавали? А должны были!».

Мой голос уже почти сорвался на крик:

— И пока у меня есть такая возможность, то я хочу помочь твоему ребенку, хотя почти его и не знаю! Убереечь от постоянного чувства стыда перед сверстниками, что он ходит в джинсах трехлетней давности или донашивает кроссовки соседского ребенка! Считаешь, что я как «папик» попользовался тобой и отслонявил денежку?! Валяй! Оставляй всё купленное мне, оно пойдет в мусорное ведро! Отвезу тебя на вокзал, уезжай и не пиши мне больше! Если моя забота о тебе и твоём ребенке тебя обижает!!

Я тяжело дышал. Детские воспоминания захлестнули меня, подлив масла в огонь. Тяжело дыша я отвернулся от Инны. Вспышка гнева постепенно сменялась чувством стыда. Я так хотел этот визит Инны превратить в сказку, которую она каждый раз будет вспоминать, как самый лучший эпизод в своей жизни... Но опять всё испортил...

— Прости меня, пожалуйста, — раздался из-за моей спины голос Инны. — Я не думала, что забота обо мне и моем сыне для тебя столько значит...

— И ты меня прости, — сгорая от стыда, не поворачиваясь к ней, ответил я. — Мне нужно было сдержаться, а не выплескивать всё на тебя.

— Всё хорошо, — сказала Инна, положив мне руку на плечо. — Нам обоим полезно было выговориться. Кушать хочешь?

— Умираю с голода.

Инна быстро накрыла стол — разогрела рагу, сделала овощной салат и позвала меня на кухню завтракать.

— Слушай, ну ты меня уделала по рагу, — с изумлением сказал я, пробуя блюдо. — Не знаю, что ты сюда добавляла, но получилось очень вкусно.

— Да я тут заметила, что у тебя полным полно открытых смесей приправ, но вот самостоятельно ты их не делаешь. Поэтому я немного «прохудила» твои запасы отдельных приправ и быстренько вчера сделала свою смесь.

После завтрака, пока Инна мыла посуду, я собрал все подарки в два пакета — один для Инны, другой для её сына. Мужа Инны я, за плохое поведение, оставил ни с чем. Наконец, все приготовления были закончены и мы вышли из квартиры. В подъезде, как обычно, было душно. Я вызвал лифт, и через минуту мы очутились на улице. Прячась в тени деревьев, нам удалось добраться до паркинга. Старенький Форд, как всегда, стоял один немывтый среди престижных автомобилей.

— Ты бы его помыл... — начала было Инна.

— Не надо по больному месту, — прервал её я.

Отдав охраннику пропуск, я вдавил педаль газа и старенький автомобиль неспешно покатыл нас к вокзалу.

— Вот Димка-то обрадуется, — сказала Инна, вертя в руках коробку Лего.

— Я представляю, — улыбнулся я. — Расскажешь, как-нибудь о его реакции.

— Ты это, правда, серьезно сказал, что можно его с собой привезти в следующий раз? — спросила Инна, поворачиваясь ко мне.

— А почему нет? — ответил вопросом на вопрос я. — Город у нас большой, погулять и развлечь ребенка есть где. Хочешь в детский парк, хочешь в аквапарк — всего хватает.

Спустя полчаса мы уже стояли на платформе и ждали, когда возле вагонов появятся проводники.

— Алло, Нюрка, ты где? — поинтересовалась Инна по телефону. — В девятом? Выйди тогда, встретить меня, а?

Пока мы дошли до искомого вагона, Нюрка уже стояла и чесала язык с проводницей из другого вагона. Увидев нас, она выпроводила коллегу и с широкой улыбкой на лице сказала:

— Ба, какие люди!

— Нюрка, молчки, — стушевдалась Инна и, повернувшись ко мне, добавила. — Сейчас занесу вещи и вернусь. Никуда не уходи.

— Так-так, — сказала деловито Нюрка, окидывая меня взглядом, после того как Инна скрылась в глубине вагона. — Обидишь Инку — убью.

— Я не сомневаюсь, — улыбнулся я. — А Инна, кстати, в вас тоже души не чает.

— Скажешь такое, — отмахнулась смущенная Нюрка. — Но ты это, правда, не обижай её...

— Даже не думал, — искренне ответил я. — Присматривайте там за ней.

Нюрка одобритительно кивнула.

Из вагона выпорхнула Инна и бросилась мне на шею:

— Я отлично провела время и сильно буду по тебе скучать. Ты лучше это... Иди... А то я тут сейчас реветь буду, пусть лучше этого никто не увидит.

— Дайте-ка, я вас шелкну, голубки, — сказала Нюрка.

Я протянул ей свой телефон и крепко обнял Инну. Не знаю, получилось ли что-то у Нюрки, но все те минуты, что мы стояли обнявшись, я почти не дышал — мне хотелось, чтобы эти минуты стали вечностью. Я чувствовал, что Инна слегка всхлипывала, уткнувшись мне в плечо, но останавливать её мне не хотелось. Моё сердце само разрывалось на части от будущей разлуки.

Я крепко поцеловал Инну в губы и отпустил. Она, не поднимая глаз запрыгнула в вагон и исчезла в полумраке тамбура.

— Держи, Дон Жуан, — сказала Нюрка негромко, протягивая мне мой телефон. — Надеюсь, что хоть что-то получилось.

— Спасибо, — улыбнулся ей я и быстрым шагом направился к подземному переходу...

Поздним вечером мне всё не спалось. Я искренне ждал хоть какой-то весточки от Инны, хотя бы что она добралась до дома без приключений.

Пять фото, что сделала Нюрка на прощание, я пересматривал уже сотый, не меньше, раз. Давно остывший кофе, о котором я уже и забыл, одиноко стоял возле ноутбука, а в наушниках голос Янки, пронесенный через года, всё пел:

«... А в потресканном стакане старый чай,

Не хватило для разлёту старых дел.

Фотографии — там звёздочки и сны.

Как же сделать, чтоб всем было хорошо...»

С надеждой вглядываясь в темный дисплей телефона я и не заметил, как заснул